

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
СЕВ. ОКР. ПРАВ.
СОЮЗА
РАБОТНИКОВ
СВЯЗИ.

№ 10.

3-й год издания
ОКТЯБРЬ 1925 г.
ВОЛОГДА

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	<i>Стр.</i>
„Быть или не быть?“— <i>К. К-н.</i>	1
Членский билет— <i>Г. Снигирев</i>	3
К статье „О пролетаризации союза“— <i>М. Гоглев и П. Пономарев</i>	4
„Десятина“— <i>К. К-н</i>	5
Союзная работа на местах: Работа онежан— <i>Н. Михеев</i> . Молчальники— <i>Очевидец</i> В Устьысьольске зашевелились— <i>Г.и.н. Красный уголок</i> — <i>Шило. Шефство</i> — <i>Флеренская</i> . Книга на рынок— <i>М. Гоглев</i> . Производственное „совещание“— <i>Н. Рабкоровский кружок</i> — <i>М. Участковые крепят смычку</i> — <i>К.</i>	8—11
Отклики с мест: Сельписмоносцы работают— <i>Н. Клеманс</i> . Письмоносцы без сумок— <i>К. Шелков</i> . С «передвижкой»— <i>М. Кононов</i> . Очистка ящиков зимой— <i>Быков</i> . Новый дом— <i>Н. Чебунин</i> . Наша касса взаимопомощи— <i>Н. Чебунин</i> . Без пяти минут барство— <i>Н. Бесхозяйственность</i> — <i>Свой</i> . Нытики— <i>Зеро</i>	12—15
Из писем корреспондентов	16
Литературный уголок: Бубин и Козырь.—Рассказ— <i>Николай Гладилов</i> . Стихотворения: Детское На заводе— <i>Н. Тоцаков</i>	17
Курьезы из жизни и быта: Офицерша и . . . вятские рожи. Тряпки с „бисером“. Запарились.—Философ— <i>Сатир</i>	23
Отзывы о стенных газетах— <i>К</i>	27
Хроника	29
Почтовый ящик	31

Адрес Редакции: Вологда, Проспект Ленина. Дворец Труда, 4-й этаж, комната № 79.

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Северного Окружного Правления Союза работников Связи.

№ 10.

ОКТЯБРЬ 1925 г.

3-й год изд.

„Быть или не быть?“

(О нашем журнале).

3-м Окружным Съездом работников Связи решено продолжать издание журнала „Северная Почта“, указано, что издание своего союзного журнала и в дальнейшем—необходимо.

Особенно ценным и желательным, как выявилось по анкетам и о чем заявляли на Съезде делегаты с мест, является наш журнал для членов союза провинции—тех глухих уголков, каких не мало разбросано по обширной территории Северной области. С этой стороны, следовательно, двух мнений быть не может. Выполняя волю Съезда, журнал будет издаваться и в наступающем 1926 году.

Но тут встает весьма серьезный вопрос о дефицитности нашего журнала. Дефицитность до сих пор доходила от 20 до 35% ежемесячно. Пополнялась она, обыкновенно, из культфонда. Теперь же Центральным Комитетом Связи это пополнение дефицитности из культфонда запрещено и, сам собою, возникает вопрос о самоокупаемости журнала. Как же достичь этой самоокупаемости?

Конечно, прежде всего, более высоким тиражем издания, т.-е. достаточным количеством подписчиков и притом—тиражем устойчивым.

В действительности, как за прошлые годы, так и в текущем году, этой устойчивости не наблюдалось. Обыкновенно, в начале года, проведенная кампания по подписке на журнал давала определенное количество годовых подписчиков, а затем—количество подписчиков постепенно снижалось. Это снижение особенно заметно бывает к концу подписного года. Для примера приводим несколько цифр:

	Подписка в начале 1925 г.	Подписка в конце 1925 г.
Вологодский рабочеком	187 экз.	159 экз.
Шенкурский "	47 "	28 "
Омутнинский "	38 "	24 "

Таким образом, если в начале 1925 г. тираж „Сев. Поч.“ дошел до 1900 экземпляров, то к концу этого года он снизился до 1500, т.-е. на 21%.

Такое положение не дает, разумеется, возможности и думать о самоокупаемости, ибо наш журнал идет не в сторону повышения тиража, как это должно быть, а наоборот—в сторону очень значительного понижения.

Приходится вопрос ставить ребром: „быть или не быть?“ Издавать нам свой союзный журнал или прекратить это издание? Если издавать, то каждый член союза вполне сознательно и добровольно должен быть подписчиком своего журнала. Не под влиянием только минуты во время проводимой на местах подписной кампании, а сознательным по-

стоянным годовым подписчиком, не забывая ни на минуту, что прекращение подписки в средине, например, года угрожает журналу в дальнейшем его существовании.

Итак, материальный успех издания журнала в наступающем 1926 г. будет зависеть исключительно от количества подписчиков—от того тиража, который даст возможность существовать журналу безубыточно.

Все наши союзные органы на местах и все сознательные члены союза сейчас же, заблаговременно, должны повести самую широкую агитацию среди масс о добровольной подписке на свой союзный журнал. Успех этой агитации—наш успех. Если журнал нужен, необходим, то необходимо и осознать всем членам союза, что ваш журнал содержится только на ваши средства, из вашей подписной платы. Больше никаких источников мы не имеем. Дефицитность из кульфонда покрывать не можем.

Как временная мера к снижению дальнейшей дефицитности в текущем 1925 году, является сокращение журнала: теперь выпускаем его, вместо трех, в два печатных листа, т.е. вместо 48, в 32 страницы, стремясь, за счет размера, улучшить качество журнала (его содержание).

Но и это сокращение, при наличии сниженного тиража в данный момент, не дает возможности существовать журналу в дальнейшем. Если на 1926 год тираж выразится в такой же цифре (1500 экз.), то об издании не может быть и речи.

Всё это говорит за то, что сами члены союза должны вывести свой журнал из дефицитности. Каждый член союза должен быть подписчиком своего журнала, не только сам выписывая его, но агитируя о том же и среди своих товарищей.

Здесь не нужно думать, что журнал кому-то навязывается, что подписчик делает кому-то какую-то жертву. Если и делает, то только сам себе. Надо рассуждать логически: поскольку была воля Съезда обязательно издавать журнал,—а воля съезда—это и воля каждого в отдельности члена союза,—то, следовательно, не приходится ограничиваться одними симпатиями и добрыми пожеланиями журналу (об этих симпатиях и добрых пожеланиях говорят нам анкеты), а просто подписаться на журнал каждому сознательному работнику.

Итак, нашими подписчиками должны быть все члены нашего союза, не исключая и новой, очень значительной по численности, группы наших работников—сельских письмоносцев.

О жизни и быте сельских письмоносцев будет печататься в каждом номере журнала, их интересы и запросы будут обсуждаться на страницах журнала. Количество наших рабкоров должно значительно увеличиться—наши рабкоровские ряды должны пополниться сельскими письмоносцами.

А поскольку это так, то каждый письмоносец также должен быть подписчиком „Сев. Поч.“

Подписная плата на журнал остается прежняя, по тем же трем разбивкам на разряды. Для сельских письмоносцев назначается минимальная плата—1 рубль 80 коп. в год.

При проведении подписной кампании наши союзные органы не должны забыть этих новых наших работников—сельских письмоносцев. Они должны быть подписчиками нашего журнала.

На успешное проведение подписной кампании приходится возлагать все наши надежды. Если „Сев. Поч.“ является своим журналом, близким союзным массам, они, без сомнения, и поддержат его своей добровольной подпиской.

К. К.—н.

Членский билет.

Каждый член союза имеет на руках членский билет, но далеко еще не каждый уяснил себе, что он является ценным документом—обращаются с ним, обыкновенно, очень небрежно.

Сплошь и рядом можно встретить таких членов союза, которые далеко не всегда имеют членский билет при себе и даже „забывают“ приносить его в союз для отметки об уплате членских взносов, а потому отметки эти в членском билете зачастую отсутствуют.

Бывает и еще хуже: заявляют, например, в союз, что билет утерян, тогда как в данную минуту он понадобился, что называется, до-зарезу. Просят выдать дубликат. Просьбу приходится удовлетворить. А через несколько дней дубликат возвращается с пояснением, что билет нашелся — завался где-то среди бумаг в письменном столе.

Подобные случаи небрежного отношения к своему членскому билету, имевшие место в нашей союзной жизни, не являются единичными. Их можно привести целый ряд.

Если спросить у членов союза—имеют ли они при себе членский билет, то, пожалуй, безошибочно можно сказать, что пятдесят процентов из них билета при себе не имеют, а приносят только в союз при уплате членских взносов, да и то не всегда аккуратно.

Отсюда следует сделать вывод, что союзные организации недостаточно внимания обращают на этот вопрос.

Разве редки случаи, когда союзные организации, при выдаче пособия по безработице, ссуды из кассы взаимопомощи, при уплате членских взносов и т. д., не делают соответствующих отметок в билете?

Таких случаев можно привести сколько угодно. На эти ненормальности уже обращалось внимание союзных организаций.

Отсутствие отметок в билетах ставит иногда союзные организации в очень неловкое положение, в особенности при перемещении члена союза из одного района в другой. В частности, имелись случаи, когда безработному за один и тот же месяц выдавалось пособие двумя организациями.

Пора покончить с такими явлениями. Нужно не забывать, что членский билет является ценным документом, дающим члену союза значительные права и преимущества перед теми, кто, не состоя в союзе, не имеет членского билета.

Если это так, то всем союзовым организациям нужно взять себе за правило, чтобы все отметки в билетах имелись полностью. Отметки надо делать своевременно, а не спустя несколько месяцев.

В ближайшие дни рассылаются на места новые членские билеты, взамен старых, и одновременно будет проводиться переучет членов союза.

При проведении переучета и при замене билетов необходимо разъяснить членам союза, что членский билет в настоящее время заменяет разные справки и удостоверения, что раньше требовались в школы, биржи труда, домкомы, финорганы и т. д.

Членский билет всегда должен быть на руках, со всеми нужными в нем отметками.

И самим членам союза нужно более бережно относиться к членскому билету: новые членские книжки будут выданы на 4 года.

Каждый член сам должен соблюдать, чтобы все отметки союзовыми органами делались в членской книжке своевременно. При переездах из

одного района в другой, обязательно надо сниматься с учета и вставать снова на учет по прибытии в другую организацию.

Место работы, должность, работа в союзных и общественных организациях—все это должно быть отмечено в членской книжке.

По приезде в новое место работы и по пред'явлении членского билета, имеющего все необходимые отметки, новая союзная организация может тогда судить—что представляет собою данный член союза в смысле активности, общественности и т. д.

Особые отзывы союзных организаций о членах союза, что раньше часто практиковалось, при наличии членского билета, со всеми необходимыми в нем отметками, теперь не должны иметь места.

При наличии новых членских билетов, в этом нет никакой надобности.

„Имей всегда при себе членский билет, помни его номер, держи в опрятности и заботься о том, чтобы в твоем билете делались своевременно отметки об уплате взносов, перемене места работы, о пособиях, безработице“—вот выдержка из памятки члена союза в новом членском билете.

Г. Снигирев.

К статье „О пролетаризации союза“*).

III.

Вопрос, затронутый тов. Николиным, является весьма серьезным и факты, приводимые в статье,—неоспоримы.

Было когда то время, что тот или иной член союза, указывая причину перемещения, как поддержание своего сельского хозяйства, смело мог рассчитывать, что эта причина будет найдена самой уважительной.

Уважительной она считалась потому, что в период военщины сплошь и рядом работоспособные члены семьи у связиста, имеющего сельское хозяйство, были призваны в армию. Дабы оставшиеся в семье старики не спустили своего хозяйства (здесь предусматривались не только индивидуальные хозяйства, а преследовалась цель общегосударственного значения), подобные просьбы о перемещениях обыкновенно удовлетворялись. Теперь в хозяйственном отношении деревня окрепла. Рост сельскохозяйственной продукции с каждым годом растет. Наша деревня перешла в полосу культурного подъема. От своей допотопной трехполки она начинает переходить к улучшенным формам землепользования, а иногда — и к коллективной обработке земли. Физической силы в деревне достаточно, культурные же задачи должны выполнять шефства и в частности—сельский работник Связи.

Возлагая нагрузку по общественной работе на сельского связиста, нет смысла делать поощрение члену союза—землеробу, заработок которого служит пособием к поддержанию своего хозяйства. Последним всего больше заинтересован землероб. Служба и общественная работа стоят уже на втором плане. Бузузовно, к членам союза, имеющим бедняцкие хозяйства, в этом вопросе о пролетаризации подходить надо осторожно, но бояться пролетаризации не следует.

*) „Сев. Поч.“ №№ 8 и 9.

Сейчас в основу всего ложится поднятие культурного уровня деревни и мы, связисты, должны эти запросы обслужить, чего не может сделать землероб, отвлекаемый своим хозяйством.

Пролетаризация — своевременна. Она должна дать положительные достижения и в производительности труда. Но подходить к ней нужно осторожно по пословице: „Семь раз отмерь — один раз отрежь“.

М. Гоглев.

IV.

За необходимость скорейшего проведения в жизнь вопроса о пролетаризации союза, затронутого т. Николиным, союзным органам необходимо провести единовременное обследование основного заработка членов союза, имеющих свое сельское хозяйство, и их доходы от этого сельского хозяйства.

Сделать это надо не путем анкет: на правдоподобные ответы в анкетах надеяться не приходится. Поручить эту работу местным проф-органам — тоже нецелесообразно, ибо профессиональные и производственные работники в одном и том же месте находятся в некоторой зависимости друг от друга. Надо, следовательно, придумать другой какой-либо способ выявления действительности.

П. Пономарев.

„Десятина“.

Так называется местечко, в семи верстах от уездного города Тотьмы, в районе расположения тотемской лесной школы, на живописном берегу реки Сухоны, близ другой, еще более живописной, лесной речки Царевы, впадающей в Сухону.

В этом местечке Северное Облправсвязи заарендовало у лесной школы одну из построек, для оборудования в ней Дома Отдыха.

Бревенчатая неказистая постройка — хотя по виду и в три этажа, с вышкою на верху, — была раньше семеносушилкой лесной школы и для удобного жилья, разумеется, не совсем была приспособлена, не могла она похвастаться своим благоустройством, какое предъявляется формально к настоящему Дому Отдыха. Ограничились, поэтому, более скромным названием: „Дача связистов“.

Семеносушилку эту отремонтировали, привели ее в жилой вид — и дача вышла на славу.

„Не красна изба углами, а красна пирогами“. Пирогов, в пря-

Дачный дом (бывш. семеносушилка).

мом значении этого слова, на даче хотя и не пекли, но здоровым сытным столом все были довольны. Не обижались и на "семеносушку" — она свободно вмещала в себе два десятка работников и даже больше. В трех комнатах разместили койки отдыхающих, а в четвертой — столовую с Ленинским уголком. Впрочем, есть еще и пятая комната — светелка в третьем этаже, на две койки.

Ленинский уголок в столовой.

чатлений, — что у нас на Севере есть столы прекрасные уголки природы. Вряд ли Окправление могло найти что-либо лучшее для отдыха работников".

„Побывав несколько раз на южных курортах, — пишет другой товарищ, — прихожу к выводу, что наша северная природа, для нас северян, — лучше южной. Близость реки, богатейший сосновый бор — естественный, а не искусственные южные парки и сады, — чистый воздух, насыщенный смолянным запахом сосны — всё это, как нельзя лучше, способствует здоровому отдыху"...

И действительно, отдыхающие не преувеличивают: местечко „Десятина“, с рекою Сухоной, с бесконечными лесами по берегам, быстрая речка Царева, с переборами и высокими лесными берегами — оставили у всех отдыхающих неизгладимое впечатление.

Тут же, на берегах Царевы, близ дачи, чистейшие наносные пески послужили для отдыхающих великолепным пляжем. И купанье, и солнеч-

Самое помещение для отдыхающих являлось, преимущественно, ночлегом: разве усидишь дома в хорошую погоду, когда кругом такая благодать.

И Сухона, и Царева с пляжем, и хвойный лес кругом — создают обстановку более чем хорошую.

„Я совершенно не ожидал, — пишет один из отдыхающих в книге впе-

Река Царева.

ные ванны, и прогулки по сосновому бору, по берегам красавицы Царевы, и острова на Сухоне: Дедов, Бабий и Внуков—всё это надолго останется в памяти у 160 связистов, отдохнувших за прошлое лето на даче в местечке „Десятина“. Книга для записи впечатлений, по справедливости, пестрит теми похвалами, какие рассыпаны отдыхающими по адресу этого уютного здорового уголка.

Наше северное небо не так щедро на солнце, но и лето нынче было погоже—солнце не скучило на ласки.

Но не одной природой остались довольны отдыхающие: сытный здоровый стол и более чем заботливое отношение обслуживающего персонала не оставляют желать ничего лучшего.

Но мало того, совместное пребывание на даче работников, со всех концов Севера, сближало их в одну общую, дружную семью.

„Уезжая, с сожалением оставляю дачу работников Связи,— пишет один товарищ в книге впечатлений.— Здесь, как нигде, работники одной профессии, одной семьи, дружно сживаются между собой. Смех, шутки, безобидные остроты—всё это благоприятно действует на здоровье и настроение отдыхающих“.

Были, конечно, и мелкие недостатки на даче, но все эти недостатки тонут в общем хоре хороших отзывов.

К недостаткам, прежде всего, приходится отнести не совсем благоустроенное помещение, но, как уже говорили выше, с помещением вполне можно мириться.

Один из товарищней вносит предложение, отмеченное в книге впечатлений,— построить союзу в местечке „Десятина“ свой союзный дом отдыха. Это, разумеется, идея хорошая, лучшего места; как отзываются сами работники, пожалуй, не найдешь, и Облправсвязи над этим вопросом думало. Но чтобы осуществить его—для этого нужны средства. Будущее покажет возможность или невозможность такого начинания. А пока что—если окажутся на это ресурсы—на будущее лето наши дачники опять будут в местечке „Десятина“. И можно с уверенностью сказать, что каждый, кто побывал на даче в нынешнее лето, не откажется посетить ее и в будущем году.

Берег реки Сухоны.

К. К—н.

СОЮЗНАЯ РАБОТА С НАМЕСТАХ.

Работа онежан.

Перевыборы Онежского райрабочкома проведены 1 июля. Состав пять человек—всё молодежь.

За отчетный период, с 1 июля, проведено 5 заседаний райрабочкома и 3 общих собрания—ставились вопросы, имеющие широкий интерес. Посещаемость собраний—90%.

Работа проводится по плану. Организованные в августе культкомиссия и комиссия охраны труда работы массового характера пока еще не проделали: причиной этому—проходившая реорганизация, приковавшая к себе все внимание работников. Методы и вообще путь этой работы нащупаны.

Для связи с сельскими одиночками и для учета их работы вводятся в практику товарищеские письма. Для пополнения библиотеки при рабочкоме израсходовано из культфонда 40 руб. Библиотека с 95 книг увеличилась до 170. Пополнение пока приостановлено, ибо в Онеге нет выбора книг. Для разрешения этого вопроса обратились в Облправсвязи.

Издание стенгазеты, по вышеприведенным причинам, также приостановилось. Рабочкомом даны редколлегии практические указания к ее улучшению. Работа среди женщин хромает—оживить работу не было сил, а теперь, с возвращением из отпуска организатора, эта работа должна наладиться.

С целью облегчать положение безработных, договорились с администрацией о командировках их для работы, на отпускное время агентов, что уже проводится в жизни: командирован один безработный на два месяца и один—на месяц.

Сейчас заключается коллективный договор на работников местной телефонной сети, каковым будет достигнуто улучшение быта этих работников: ставки от 12 руб. на первый разряд, существовавшие целый год, повышаются до ставок НКПТ. Отпуска также будут месячные.

На места разосланы письма от имени рабочкома к работающим на производстве товарищам о связи их с безработными—оказывать последним всяческое содействие в поднятии их квалификации, с целью использования их для работы в будущих возможностях. Предложено устраивать для безработных беседы и т. п.

Связь с вышестоящими профорганами—нормальная, к недочетам следует отнести лишь недостаток указаний со стороны Облправсвязи по нагрузке работников. Последняя совершенно видоизменяется проведенной реорганизацией.

Работа по союзной линии проводится урывками, вечерами и в дни отдыха: при производственной восьмичасовой нагрузке иного выхода нет. В связи с предстоящим регулированием зарплаты на местах, тарифно-экономическая работа будет большой и серьезной—справляться в подобных условиях будет гораздо труднее. Встает, следовательно, вопрос об освобождении работника.

Н. Михеев.

Молчальники.

Было у нас в Омутнинске, 9 октября, общее собрание. На повестке дня стояли два очень важных вопроса—о решениях 6-го уездного профессионального съезда и доклад администрации о работе конторы с содокладами работников деревни.

Начали как будто и по-деловому. Выбрали, кого нужно, в президентум—и приступили.

Первый доклад хотя был построен и не так удачно, но охватил полностью все решения Съезда.

После доклада—глубокое молчание. Ни выступлений, ни вопросов—и в помине не было.

С первым вопросом кое как покончили. Приступили ко второму. Казалось бы вопрос о работе сельских предприятий должен заинтересовать собравшихся, но трое докладчиков ничего не могли поделать. Глубокое молчание царило на собрании.

И в результате, всего-навсего—резолюция: „принять к сведению, работу заврайконтра признать удовлетворительной“. *Очевидец.*

От редакции: Надо-же, наконец, встяхнуться омутнинцам, а рабочему—оживить это сонное царство.

В Усть-Сысольске зашевелились.

С наступлением холодов наши работники Связи начинают посещать Красный Уголок.

Составлен план работы на сентябрь—декабрь. Переизбрана культкомиссия.

Красный Уголок оборудован—имеет привлекательный вид. Снабжен газетами, журналами, книгами, шахматами, шашками и т. п. На стенке висит свежий номер стенгазеты, после трехмесячного перерыва.

В Красном Уголке, в скором времени, предполагается установить радиоприемник—деньги уже переведены. Сейчас идет усиленная подготовка к установке радиоприемника.

Гам.

Красный Уголок.

12 сентября в Соломбальском п.-т. предприятии состоялось открытие Ленинского уголка. На открытии были все работники, даже с членами семейств, с детьми школьного возраста. Уголок организован при товарищеском содействии самих работников, при небольшой помощи рабочекома.

В наступающем зимнем сезоне думаем развернуть работу по вопросам политграмоты и поднятию культурного уровня отставших товарищей.

Жаль, что часть наших работников на все наши культурные начинания смотрит недоверчиво.

Шило.

Шефство.

Работники Связи г. Мезени, совместно с Устьвашским союзом деревообделочников, шефствуют, с 29 января 1924 г., над деревней Кыссой, Койнасской волости, Мезенского у., отчисляя ежемесячно, совместно, 23 руб. 60 коп.

Для деревни — в избу-читальню — выписываются газеты: „Волна“, „Комсомольская Правда“, „Крестьянская газета“, „Рабочая газета“ и справочник „Юрист“.

Кроме того, из библиотеки при Красном Уголке, посылаются книги для прочтения, сериями в 30 штук.

Ввиду дальнего расстояния деревни, за 290 верст от города, — частое посещение деревни не представляется возможным. Последний выезд был сделан членом рабочкома, в марте месяце тек. года. Проведено крестьянское собрание с докладом „Значение шефства“, и определен план работы на будущее время.

Пока поддерживается письменная связь с деревней, а с наступлением зимнего сезона, работу по сближению с деревней предполагаем улучшить.

Флеренская.

Книга на рынок.

На одном из общих собраний Вельской п.-т. конторы был поставлен вопрос по продвижению книги в деревню. Для проведения этого мероприятия в жизнь, в виде опыта, я порекомендовал, чтобы с литературой по сельскому хозяйству, в базарные дни, выходить на рынок.

Многие товарищи над этим пожеланием посмеялись, но все-же предложение приняли и запротоколили.

В ближайший из базарных дней книга была переброшена на рынок с одним членом союза из безработных.

Результаты от продажи выразились в сумме 8 руб. 75 коп. Так как цена на книгу, в среднем, выражалась от 10 до 30 коп. за штуку, то надо полагать, что распространено было не менее 30—40 экз. в один день.

Благодаря наступлению летних работ, выход с книгой больше не практиковался. Теперь летние работы крестьянина скоро закончатся, — а потому следует работу по продвижению книги возобновить.

Имея этот удачный опыт в Вельске, остальным предприятиям Связи надо бы его испробовать.

М. Гоглев.

Производственное „совещание“.

На 8-е сентября, в 6 часов вечера, в канцелярии Вологодской телефонной станции было назначено производственное совещание, о чем и было своевременно разослано приглашение со следующей повесткой дня: выборы производственной комиссии, разбивка сети на участки и разгрузка телефонисток по обслуживанию коммутаторов.

„Явка всех членов совещания обязательна и желательно посещение всех заинтересованных производством работников“, — так гласило письменное приглашение.

И что же?

На собрание „удосужились“ явиться лишь завпред, предрабочком с кандидатом и от ревизкома — председатель с секретарем да от РКК — кандидат. Всего только шестеро — всё мужчины.

А женщины, которых на телефоне насчитывается 25 из 40 человек штата, две из них показались на полминуты и... исчезли.

А на повестке дня — разгрузка телефонисток по обслуживанию коммутаторов.

Целых полтора часа ждали собравшиеся кворума, да так и разошлись по домам, не солено хлебавши.

Так постояли за себя вологодские телефонистки.

H.

Рабкоровский кружок.

Рабкоровский кружок при союзе Связи, в Вологде, всё время работал с перебоями, стенная газета выпускалась неаккуратно, почти всегда наспех, собрания приходилось откладывать со дня на день, ибо на эти собрания из восемнадцати рабкоров являлись два-три человека.

Это было зимой 24-25 года и в начале весны. А летом кружок совсем умер. Выпуск стенгазеты был сопряжен с большими затруднениями — материала от рабкоров не поступало. Стенгазета, в течение лета, вышла только два раза. А о работе кружка и говорить нечего — за все лето ни одного собрания.

И вот вновь рабкоровский кружок возрождается: с половины сентября была объявлена перерегистрация, а 27 сентября состоялось первое организационное собрание. В кружок записалось 39 человек, из них 36 — пришли на собрание.

Одним из старых членов кружка был сделан обстоятельный доклад о роли и задачах рабкоровского кружка. Доклад был заслушан внимательно, вызвав многочисленные вопросы и оживленные прения. Приняли предложенный план работ кружка, — раньше кружок работал без плана, — выбрали бюро из трех человек и решили выпуск „стенки“ взять в свои руки, дабы этим обеспечить своевременный выход стенгазеты.

Не менее оживленно прошло и второе воскресенье: на этом собрании разбиралась всесторонне только что выпущенная стенгазета „Красная Связь“.

Есть все основания надеяться, что работа рабкоровского кружка не замрет, как замерла она в прошлое лето.

M.

Участковые крепят смычку.

Заботы Северного Окрправсвязи по инструктированию линейных участковых механиков в попутной работе в деревне дают осязательные результаты.

Перед нами — четыре протокола крестьянских собраний в разных деревнях Кадниковского уезда — Устьянской, Заднесьельской и Уфтугской волостей.

Собрания эти проведены местными партийными работниками, при участии нашего участкового механика т. Надеждина, совместно с ремонтёрами-рабочими его колонны.

Наряду с общими докладами по текущему моменту, сельскому хозяйству, животноводству и т. п., выступал с докладами и т. Надеждин на темы: о значении телеграфно-телефонных и осветительных линий, о значении громоотвода, о свойствах электричества и о применении его в телеграфе и телефоне, о значении телеграфа и оберегании телеграфной линии и т. п.

Во всех деревнях, где проводились эти крестьянские собрания, как видим из протоколов, нашими рабочими колоннами установлены громоотводы. В протоколах выражена благодарность крестьян и за проведенные беседы и за установку громоотводов.

Отмечая это хорошее начинание одного из участковых, уверены, что и другие ремонтные колонны не забыли нашу темную деревню в минувшую ремкомпанию.

K.

отклики с мест.

Сельписьмоносцы работают.

По Посадской волости, Халтуринского уезда, на 1 октября организовано 8 участков сельписьмоносцев. Все письмоносцы получили уже брезентовые пальто.

Несмотря на спешную организацию в волости сельписьмоносцев, невозможность полного их инструктирования в работе в течение двух-трех дней до выхода в разноску, все же дело пошло на лад.

В течение месячного срока работы сельписьмоносцев, заметно поднялась подписная плата на газеты.

Население, вначале, как-то недоверчиво встретило сельписьмоносцев, а теперь уже определенно видят, что сельписьмоносец для крестьянина—весьма полезный человек, осуществляющий на деле смычку города с деревней. Теперь нет нужды крестьянину тащиться на почту 15—20 верст, ибо в определенный день к нему придет письмоносец-почтальон, принесет ему деньги, письмо, газету, продаст марку, нужную книгу, даст справку по интересующему его вопросу.

Дальнейшая работа сельписьмоносцев, без сомнения, послужит очень надежной смычкой города с деревней.

Н. Клеманс.

Письмоносцы без сумок.

С 1 августа в районе, обслуживаемом Моржегорским отделением, работают шесть письмоносцев. Самая страдная пора—с августа до половины сентября. Крестьяне очень довольны, что и письма, и газеты, и переводы приносят прямо на дом.

И марку купишь, и конверт, и бумагу, и газету выпишешь... Лестно слышать отзывы крестьян о почте, но жаль, что Округ мало заботится о письмоносцах.

Вот уже полтора месяца работают они, а разносных сумок до сего времени нет. В проекте были и бляхи, не были забыты и вывески на сумку: „Здесь принимается подписка на повременные издания“, и спецодежда, и часы, и даже... рожок для громогласного возвещения населения о прибытии письмоносца, а на поверку вышло—сумок разносных нет.

Это уж совсем не годится. Торопимся, надо все скорей, скорей,—а у самих ничего не готово. Книги и те пришлось от руки делать, на полмесяца.

Письмоносец—это походное почтовое отделение, агитпункт, спрашовый стол—все что хотите. Работы—много, люди подобраны активные, но корреспонденции через письмоносцев поступает пока мало.

Надо создать для письмоносца такие условия, при которых он мог бы работать без перебоев.

К. Шелков.

С «передвижкой».

Въезжаю в большое село Чурилово, Каргопольского уезда. Останавливаюсь против кооператива. Народ с нетерпением ждет почту, мгновенно окружая телегу, на которой по-домашнему расположился я.

У некоторых в руках повестки. Приступаю к выдаче страховой корреспонденции. Между делом беседую с крестьянами. Слышу разговор между стариками:

— Вот ноне времена то пошли—приедет пошта на деревню, под окошко к тебе и што тебе надо—получай.

— А раньше, бывало,—вслух вспоминает второй стариочек, лет под девяносто,—к поште-то сажен на десять не подходи, а то поштальон закричит: „Стрелять буду!“ А пошто боялись—и сами не знают. Вот ноне поштальон раскладет всё—подходи, получай и больше никаких.

— Да и што сделается-то,—прерывает первый,—поди-ко тяпни деньги, да тут из-за тебя всю деревню в суд перетаскают. Да и вишь у ево штука-то висит,—показывает на наган, висящий на поясе,—зачнет орешки спускать—не возрадуешься. Да что не говори, всё к лучшему идет ноне.

Покончив с операциями,двигаюсь дальше. Не доезжая одной деревушки, слышу крик сзади:

— Постой! постой!

Останавливаюсь. Подбегает к телеге старушонка, с повесткой в руках.

— Выдай, батюшко, деньги-то. Повеска у меня.

Тут же, в поле, нашлись два грамотея, заверившие личность старухи. Выдаю по переводу деньги.

— Спаси тя господи,—благодарит обрадованная старуха.

— Не нас благодари, бабушка, а советскую власть,—отвечает вразумительно ямщик.

— Спаси ее господи, спаси господь,—поправляется старуха.

Много хороших отзывов слышишь о „передвижке“ за время поездки. Это нововведение в почтовом деле сразу завоевало симпатии населения. Жаль, что очень уж кратковременны остановки в деревнях—не удается, как следует, по-душе, побеседовать с мужичками по тому или иному вопросу. В день приходится сделать до 60 верст по скверной дороге. Агитационная работа хромает.

М. Кононов.

Очистка ящиков зимой.

По тракту Вельск—Коноша имеется не мало почтовых ящиков, которые и очищает поштальон, проезжая мимо с почтой.

Чтобы открыть такой ящик, надо, прежде всего, подыскать на общей связке соответствующий ключ—в темноте и замочное отверстие не скоро найдешь,—надо обменяться (вложить в ящик и вынуть оттуда) контрольными пластинками. Иные ящики находятся в стороне от дороги.

Спрашивается—кто же будет в зимнее время очищать снежный путь к почтовому ящику? Ведь, поштальон, в тяжелом тулупе, рискует совсем запутаться в снежном сугробе да и валенки снегом „начерпать“.

Не будет ли более целесообразным установить почтовые ящики лишь при почтовых станциях?

Так или иначе, все эти неудобства надо устраниить.

Быков.

Новый дом.

Много пришлось пережить работникам Связи на станции Плесецкой. Поселок был разрушен белогвардейцами, квартир не было, иным приходилось жить даже в землянках, в каких живут лесорубы в лесу.

Не мало было просьб, требований. Писали не только в Округ, но и в Наркомпочтель. Мотивы приводились веские, справедливые—во что бы то ни стало просили построить дом для отделения и для жилья работников.

Время шло, Округ не торопился, оттягивал—отвечал, что средств нет. Эти оттяжки вызывали нарекания, недовольство, безнадежность.

Проходят тяжелые 1919—21 годы. Начала постепенно изживаться наша разруха. Начался процесс оздоровления. Увеличились доходы НКПТ—и оказалось возможным заняться удовлетворением самых насущных нужд. Дошла очередь и до Плесецкой.

И теперь, вместо маленького домишко, появляется в поселке большой двухэтажный дом, выдающийся из всех.

Перебрались в новый дом работники Связи из своих землянок. Теперь нет того нытья и упреков, как раньше.

„Свою собственной рукой“ трудащиеся строят не только дома, но и Волховстрой, Шатурки, Днепрострой.

Дружно пошла работа в отделении. „Один за всех и все за одного“. Опасаются лишь одного—не сократили бы штат: ведь, уложиться в положенный по договору день и так нельзя. А дела хватает: вызовы для разговоров по телефону, разноска, ежедневный обмен с поездами и т. д.

Н. Чебунин.

Наша касса взаимопомощи.

Не каждому работнику очевидна польза от кассы взаимопомощи, а между тем—коллективными усилиями возможно достичь многоного.

В подтверждение сказанному можно привести опыт Архангельской кассы. Начав работу с октября 1922 года, лишь со ста рублей, в данное время касса имеет капитал в 2.998 руб.

Ежемесячно касса выдавала 30—40 рублей безвозвратных пособий и около 40 возвратных ссуд. Почти нет таких членов кассы, которые бы не прибегали к услугам кассы.

Но задачи касс взаимопомощи не ограничиваются выдачей ссуд—они гораздо шире. Архангельская касса, в летний сезон 1925 г., взяла на свои средства содержание одного места в Сийском доме отдыха. Благодаря этому, имели возможность воспользоваться двухнедельным отдыхом 4 неквалифицированных и 4 квалифицированных работника, особенно нуждающихся. Частично оказывалась помощь из кассы и тем работникам, которые ездили в Тотьму—на дачу связистов.

Отдельные недочеты, вызывающиеся недостатком средств, не должны смущать работников. Полпроцентный взнос не так уж обременителен. Надо не забывать, что только коллективно мы можем оказывать помощь друг другу.

Все работники Связи должны быть членами касс взаимопомощи.

Н. Чебунин.

Без пяти минут барство.

Давно и всякому известно, что лакейство нынче не в моде.

Однако, за большими и маленькими завами, начиная от Округа и кончая уездными конторами, до сих пор наблюдается привычка к услугам своих, низших по службе, товарищей.

— Эй, Иван! — кричит иногда такой зав курьеру, сторожу или рассыльному, — сходи в лавочку, купи мне, братец, пачку папирос „Пушки“.

Иван, нехотя, далеко не бомбой, не летит, а шагает в лавочку и покупает заву „Пушку“.

— Товарищ Карпова, — просит другой зав сторожиху, — купи мне, пожалуйста, к чаю булку... да не бери только черствую... свежую покупай.

„Тоже товарищ, — думает про себя сторожиха Карпова, — был бы товарищ, так сам бы слетал в булочную“.

Давно пора покончить, раз и навсегда, с этим „барством“, не прибегая к услугам своих меньших собратьев, ибо коллективным договором эти услуги не предусмотрены и „господами“, обыкновенно, не оплачиваются.

(Из стенг. „Крас. Связь“. Вологда. № 14.)

Бесхозяйственность.

Для буксировки почт с архангельского вокзала в город был куплен карбас за 60 рублей. Сразу карбас использовать почему-то не могли и поставили к стенке.

Во время шторма, — штормы на Двине вещь обычная, — карбас, как следует, потрепало, есть даже пробоины.

„Хозяйский глаз“, смекнув, что при повторении шторма останутся рожки да ножки, сделал распоряжение вытащить карбас на солнышко.

У бедняги от солнышка и ребра врозь. Рассохся.

Наступила осень. Архангельское небо щедро поливало за лето прошлую землю. Карбас, напитавшись водой, гниет.

При виде его невольно думается — каким способом можно прошибить толстокожих хозяйственников?

Свой.

(Из стенг. „Наш Быт“. Арх. № 17.)

Нытики.

Перед получкой, когда, вместо денег, в кармане — воздух, от некоторых работников-нытиков только и слышишь:

„Разве можно жить на наше жалованье? Гроши дают“.

Но прежде чем ныть, надо отдать себе отчет — а куда эти гроши идут?

Есть такие товарищи, которые, спустя полчаса после получки, уже напиваются в стельку, как, например, тов. П.

Под влиянием Бахуса, он расхаживает по отделам и пересчитывая свою получку, кроет администрацию и союз такими трехэтажными „коэффициентами“, что дальше ехать некуда.

У многих трезвых дело обстоит не лучше: при посещении, с получкой, электро-лото и французского билль, — денежки текут из кармана в пользу игорного дома.

Вот над этим надо призадуматься, а потом уж говорить о жалованье.

Э zero.

(Из стенг. „Наш Быт“. Арх. № 17.)

Из писем корреспондентов.

Радио начинает проникать и в глухие уголки нашего Округа. Об этом сообщает нам т. Шананин, из Пучуги, С.-Двин. губ., где организован кружок радиолюбителей. Историю установки радиоприемника в Пучуге и рассказывает т. Шананин в нижеприведенном письме.

„Зимой 1924—25 г. вести о развитии радиолюбительства локтились и до Пучуги — самого северного сельсовета Северо-Двинской губ. Посудили, порядили, да и надумали мы поставить у себя радиоприемник. Пустили подписной лист, собрали 9 руб. 65 коп., и, в начале мая, отослали их агентству „Связь“ в задаток, с просьбой выслать принадлежности по своему усмотрению, но с тем условием, чтоб слышно было на расстоянии 825 км. от Москвы.

Прошло около трех месяцев, а о нашем заказе — ни слуху, ни духу.

И наконец, 30 июня, поступила посылка с наложенным платежем на 150 руб. Но денег у нас не было совершенно. Пришлось взять долгосрочную ссуду из общества потребителей и смолокуренной артели.

Выкупили посылку, включили приемник, стали слушать, но... кроме атмосферных разрядов не слышали ничего... Включили усилитель — тут и вовсе ничего не стало слышно.

Оказалось — 80-вольтовая батарея совершенно испорчена. Узнать — каковы остальные приборы — без батареи было невозможно. Пришлось ехать в Котлас.

Поехали, испытывали, но желательных результатов не могли добиться. Поехали в В.-Устюг — и там, с помощью инженера Эйтнера, узнали, что наши приборы дают настолько слабую слышимость, что для пользования совершенно не годятся. Составили акт и возвратили непригодные приборы в Москву, а новые приборы с громкоговорителем привезли из В.-Устюга.

Теперь в комнате, вмещающей человек до ста, слышно сравнительно хорошо. Слушают пучужане, приходят слушать и из других волостей. И там теперь поговаривают об установке радио.

Пока на Северной Двине, от Котласа до Архангельска, есть только одна наша приемная радиостанция.

Полагая, что северяне заинтересуются стоимостью нашей установки, не лишним считаю сообщить, во что она обошлась нам. Но мы, не имея опыта и руководителя, сделали лишние расходы и ошибки. Тем, кто пожелает сделать установку, я порекомендовал бы выписать испытанные у нас приборы:

Приемник радиолина	51 р. 30 к.
Репродуктор	50 р. —
Усилитель 1—3—4—4	54 р. —
Ламп „Микро“ 4 шт. по 6 р. 50 к.	26 р. —
Сухая батарея 4,5 вольт	7 р. —
Тоже 80	13 р. —
Антенного канатика 150 м. по 18 к.	27 р. —
Изоляторов орешковых 4 шт. по 15 к.	— р. 60 к.
Блоков металлич. 2 шт. по 65 к.	1 р. 30 к.

ИТОГО на 230 р. 20 к.

Всё остальное можно произвести натурай, без всяких денежных расходов“.

Наш рабкор тов. Разин, корреспондирующий и в других печатных органах, рассказывает в своем письме о том — как он стал рабкором и каких результатов достиг в этой работе.

„Я хочу поделиться с читателями — членами союза Связи — несколькими словами о том, как я стал рабкором.

В 1924 году ячейкой РЛКСМ при союзе Связи я был выделен юнкором, для освещения комсомольской жизни на местах.

Первую заметку написал в газету „Юный Строитель“. Чувствую — не поместят. Так и думал, что место ей — в редакционной корзине.

Смотрю вышедший номер газеты — вижу: моя заметка, но... ни одного моего слова: всё переработано. Написано не протокольным языком, как у меня было, а придана заметке литературная форма.

С этих пор я начал часто посещать редакцию „Юного Строителя“, беседуя там о рабкорстве.

В конце 1924 г. коллективом юнкоров я был избран в члены горбюро юнкоров, где мне была поручена работа по организации „уголка юнкора“.

Вот тут и была моя юнкоровская учеба.

Были собраны старые, из царских времен, газеты, множество юношеских газет, до международных включительно, затребованы руководители—и начали мы учиться писать в газету.

С этого времени я нахожусь постоянным рабкором газеты „Юный Строитель“. Теперь пишу изредка в „Красный Север“. Написал пару заметок в „Безбожник“ о знакомых мне батях—ругают они меня на чем свет стоит.

К сожалению, мало приходится уделять времени рабкоровской работе, но всё же результаты кое-какие есть. Я веду перечень написанных и помещенных моих заметок и альбом с вырезками из газет и журналов—в нем имеется всего до 60 штук различных заметок.

Было написано гораздо больше, но в начале имел я дурную привычку скапливать побольше материала—и оптом в редакцию. В результате: материал-то и устарел. 20 моих заметок не помещено. 7 передано кое-куда для расследования.

Главное—начинающим рабкорам не надо бояться, что худо напишешь, что над тобой засмеются.

Редакция исправит, а исправления укажут правильный путь.

Связист, иди в ряды рабкоров. Работы хватит.

От Управления Северного Округа Связи редакцией получено два следующих письма:

„По поводу заметки, помещенной в № 8 „Сев. Поч.“, в отделе „Из писем корреспондентов“, о дефицитности радиостанции в Области Коми, сообщается, что все радиостанции Области Коми содержатся на средства Облисполкома. Управление Округа только снабдило эти радиостанции аппаратурой и имеет за ними техническое наблюдение“.

„В пояснение заметки „Горе-смычка“, помещенной в № 8 Сев. Поч., Управление Округа сообщает, что вологодским завконтом произведено инструктирование моториста по почтовой службе и, надо полагать, что теперь таких фактов, как указано в заметке, больше не повторится.

Что касается обработки корреспонденции и отправки газет из Вологды с неточными адресами, в роде того, как приводится автором заметки, то это было лишь в том случае, когда отдельные экз. газет вкладывались в средину пачки, имевшей вполне ясный и точный адрес назначения и, конечно, для завпреда именно того предприятия, которому была адресована вся пачка газет.

Засылки газет в Дом Отдыха, с адресом Устьпинега, могли иметь место только в том случае, когда пачка газет была разбита, иначе, следуя двумя пачками, различными по месту назначения, были бы доставлены по точному адресу“.

На корреспонденцию „Мы—люди не гордые“, помещенную в № 8 „Сев. Поч.“, от т. Кожанкова поступило пространное ничего не опровергающее опровержение. Некоторые выдержки из последнего приводим ниже:

„Что касается разнуданности,— пишет, между прочим, т. Кожанков,—то та-ковой не замечалось, отношение к женскому персоналу (?) было самое человеческое и нормальное... действительно, иногда за обедом шутили, рассказывали анекдоты и т. п., что, конечно, иногда некоторым женщинам не нравилось, я же анекдотами не занималась... с моей стороны, да и вообще со стороны всех товарищей, обращение с женщинами было самое нормальное, конечно, не было комфорта (?), но его некоторые ждали (?)... в корреспонденции говорится, что в последний день своего пребывания мы прикусили языки, якобы потому, что приехал помнаокр т. Кузнеццов. Лично у меня, с приездом последнего, язык был на полном ходу и я великолепно рассуждал с т. Кузнецовым, я совершенно не считал нужным кусать свой язык, это—во-первых, а во-вторых—в Доме Отдыха помнаокр для меня такой же товарищ, как и сторож... Мне пришлось при т. Кузнецове пробыть всего два часа—ясно, что не мог я свой язык за два часа изорвать на части. Для меня безразлично—помнаокр, нарком почтальон сторож—всё равно: обращаюсь я со всеми по-товарищески, без комфорта (?) и колкостей... Прошу опровержение поместить в ближайшем номере „Сев. Поч.“, поскольку в указанной заметке нанесено оскорблениe, в крайнем случае требую произвести расследование“.

Успокойтесь, т. Кожанков, расследование нами произведено еще до появления заметки в „Сев. Поч.“. Хотя Вы „анекдотами и не занимаетесь“, хотя, „язык Ваш, с приездом помнаокра т. Кузнецова, был на полном

ходу" — мы не сомневаемся, что он и сейчас у Вас „на полном ходу“, — но сомневаемся в том, что „за два часа Вы не могли свой язык изорвать на части“ и что „обращаетесь Вы со всеми по товарищески, без комфорта (?) и колкостей“.

Если бы у Вас язык был не на полном ходу, Вы, по крайней мере, потрудились бы взглянуть в словарь и узнать значение тех слов, какими Вы щеголяете.

На заметку „Случай с почтовым агентом“, помещенную в № 8 „Сев. Поч.“, от Сиземского завпреда т. Макарова получено письмо следующего содержания:

„Желая дать более ясное представление на статью „Случай с почтовым агентом“, нахожу нужным сказать по этому поводу несколько слов.

Автор заметки т. Пономарев плачется за агента, каковым состояла его жена — учительница Сенаторова-Пономарева. С последней он заключил, 1 марта тек. года, договор, с оплатой труда по 5 руб. в месяц, но платный агент Округом утвержден не был. Завпред Макаров, с 1 апреля тек. года, вынужден был заключить с этим агентом новый договор — уже без оплаты труда агента (с 1 апреля по 1 июля). Заведующая агентством, в конце июня, заявила завпреду Макарову, что временно должна уехать и сдать агентство другому лицу. Но при отъезде не только не сдала агентства, но бросила на произвол судьбы свою школу, где еще ученье не было окончено.

При таком отношении к делу автор еще имеет „гражданское мужество“ ссыльаться на „сознательность и долг перед страной наарода“.

Это самовольное бегство из школы и послужило причиной безработицы нашего бывш. агента — учительницы Сенаторовой-Пономаревой, в защиту которой так горячо вступился ее муж.

Правда, мною была написана открытка бывш. агенту о высылке 3 рублей, но вслед за ней была послана и вторая открытка, с просьбою деньги эти не высылать, дабы не огорчать агента, ожидающего благодарности, которой он не заслужил.

Должен сказать, что т. Сенаторова-Пономарева в работе по агентству одобрения не заслуживает: было несколько случаев заявлений крестьян — не посыпать корреспонденцию через агента, который ее задерживает“.

На заметку „Бьет баклушки“, помещенную в № 7 „Сев. Поч.“, от т. Рыбакова поступило опровержение следующего содержания:

„Наши товарищи сослуживцы, собираясь вместе, не стесняясь в обращении, называют обычно друг друга Колькой, Осокой, тигрой заозерской, тигрой дьявольской и т. п.

Обращение мое с одним из таких безобидных „терминов“ к т. Шведову послужило поводом к появлению заметки „Бьет баклушки“ — к обвинению меня в хулиганстве, тогда как со стороны других товарищей никаких предупреждений о прекращении этих шуток сделано не было, за исключением самого Шведова. На против: все товарищи участвовали и поддерживали в этих шутках Рыбакова.

Сочти, Шведов, сколько раз ты разбивал, шутя, в кровь наши носы и покрасней. Лгать, искажать факты и сводить личные счеты в печати — не честно“.

От бывшего Вельского завкнта Д. Попова получено письмо следующего содержания:

„Не откажите дать место для ответа на заметку о „Пропавшей книге“, помещенной в № 8 журнала „Сев. Поч.“, а именно:

1. Прием имущества, материалов и инструментов от т. Раева производился в 1924 году и по книгам на 1924 г., следовательно, подпись Василевского фигурировать в этих книгах не могла, т. к. книги годовые.

2. Переписка первых страниц книги материалов за 1924 год объясняется неправильной выпиской в расход, надсмотрищиком Б. материалов и инструментов, выданных учмеху по ведомостям на ремонт линий, каковые материалы к выписке в расход не разрешаются. Эти расходные статьи мною не были и подписаны.

3. Перенос с первых страниц книги, с записей и за подпись т. Раева, произведены правильно и полностью, без каких-либо, по мнению автора заметки, злоупотреблений.

4. Книга не уничтожена, а перешнурована и перенумерована, с изъятием испорченных вышеуказанными записями страниц. Книга эта имела печать п.т. конторы и значилась по реестру за № 267. никаких подделок я не допускал и к подобного рода обвинениям рекомендую „Ершу“ подходить сугубо осторожно“.

Бубин и Козырь.

Рассказ.

Жизнь, по-моему, на нашу речку Крутогорку очень похожа. Так вот идет эта речка тихонько, бурлит, журчit, движется алмазной струйкой, на солнце поблескивая, а то замутит — и дрянь пронесет ни-весь какую. А зимой — спит себе под белой простыней.

И так всегда, от седых начал времени. Никаких перемен не жди от Крутогорки, кажется, а вот позапрошлым летом стали осушать луг за деревней, землемеры взяли да всё и сменили — отвели лишь речку-то ниже канавкой, на полверсты под гору. Замутилась, зашипела Крутогорка в канавке тесной, а поразмыла берега да улеглась в новое ложе широкое — опять тихо потекла, спокойно. Только берега стали чуть иные, да прошла-пролегла по новому месту.

И жизнь — повернула-было ее Октябрь на другую сторону — взбушевалась тоже, вз'ерошилась, вз'ерепенилась, особенно наша мужицкая, как налогом последний фунт зерна из закрома выбрало, а потом — улеглась спокойно, как бы на старь пахнула, — люди так себя, свое нутро, и не тронули.

Взять хоть, к примеру, молодежь нашу, посиденки, — в других местах, говорят, по-иному теперь, не по-дедовски ведется это, а у нас — всё так же, как и сто лет тому назад было.

Вон сегодня в избе Егоровой от говора, грохота — шум-шумом. Старый Егор с палатей кудлатое, на голову похожее, свесил, нахмурился, на пол смотрит. Надоела канитель, а не выгонишь: девка — невеста, молодость... Старуха-мать на печи кости греет, промахи девичьи на ус нижет: еще-бы, своя, ведь, невеста, — заплетут, бывает, и про нее что бабы, ответ всегда на-готове нужен. Востро держит ухо старая.

У девок все трещит — и языки, и коклюшки в руках камышевые, что узоры кружевные на пяльцах выводят (заработка — уголки по семь копеек за штуку, а в вечер, как ни ленись, пару всё выплетешь), да не в том дело — у девки у каждой под боком мил дружок липнет.

Может, иной и не очень люб парень, да как же иначе-то? Вдруг его судьба женихом загадает. Да и так одной сидеть вечер неловко, — не-повадно.

Надьку Егорову Игнаха Козырь охаживает, прямо—смотреть любодорого.

Крепкая любовь у них—третий год нынче минул. Завелась любовь вот как. Шел однажды, летом, Игнаха мимо бань крутогорских, вдруг Надька из одной, нагая, с шайкой, и вылетела—за холодной водой, видно. Столкнулись нос к носу, у нее отнялись ноги с испугу, и он рот разинул. А потом—сниться она ему такая каждую ночь стала. С того и на посиденки-то в Крутогорку ходить начал. Стыдилась-было поначалу Надька, да видит—парень хороший, насмех не поднял—привыкла. А потом и полюбила—щеловал, бесенок, сладко, больно.

Так и цветет Надька от слов и взглядов Игнахиных—о любви своей сегодня весь вечер поет парень. О женитьбе намек бросил, у Надьки на сердце так и полыхнуло: хоть и люб, а жалко, ведь, доли девичьей. А всё-же от намека будто и радостно стало.

— Поиграть бы... заведи...—сказала в ответ ему только.

— Выходи на зайньку... Эй!—заявюнил по избе Козырь. И пошло.

За деревней от гармошки и песен воздух плачет. И чего только ни поется в песне нашей, частушке—мать дорогая! И о боже, и о матушке, и о власти советской, и о дроле—забаве-сударушке всякое, прямо, иной раз, уши от срама вянут, а поют... поют не-для сраму, не-от сердца похабного, грязного, а так—нет ничего больше, ничего не умеют иначе, видимо.

Плачет гармошка в руках у Алехи Бубина. Наркомпутом его ребята прозвали, потому всегда передом перед ними, дорогу торить в уброде, по бездорожью мастер, пройдет большим валенком — след, что полозом прокатит.

Плачет гармошка в руках у Бубина, вторят, ей голоса—глотки здоровые—похабное, грязное, от деревни до деревни, с просвистом.

„Эх, в Камешке ребят
На учет поставили.
Привели кобылу старую
. ть заставили“...

Занятный Наркомпут парень. Диво, говорят про него, — когда и время на всё находит. Днем—в совете председатель, вечером—либо собрание партийное, либо на посиденку, и по дому всё в исправности, будто все дни у хозяйства. Дом у Бубина по нашей местности, как говорится, до краев полон: две коровы, лошадь—шутка ли, найди-ка у других так-то, по пять-то коров двое богачей-хуторян держат. Живет Бубин один с матерью, и хоть в годах парень — двадцать семь или восемь стукнуло, — а жених для девок завидный.

Часто ноне Наркопут вечерами в Крутогорку шмыгает. Понятно — еще бы, как зашел в Егорову избу, так через головы в угол в брови Надькины взглядом и впился. Ничего, в ответ ласково глаза карие Надькины глянули, только ресницы густые, заметил, чуть дрогнули, да брови немного подернуло.

— Эка лебедь,—подумал ласково и лицо такое сделал, когда поздоровался и сел рядом, что даже девки хихикнули, — ишь-де какой масляный. А Надьке полюбилось это. Так полюбилось—забыла и Козыря, что ворковал любовь три года.

Видно, уж доля такая девичья, что их воля во всем очень маденькая—вышло так, что в хватки пошла Надька с этого вечера между Игнахой и Бубиным.

Вражда глухая, что бес, в обоих залезла, упрямые оба—что любо, попробуй-ка отними у которого.

Виду, конечно, оба не доказывали—пусть, дескать, время будет—само окажется.

И оказалось.

Однажды на посиденке, вскоре после этого, стал Козырь попрекать Надьку Бубиным.

— Ежели, говорит, еще замечу,—голову снесу... Слышишь?..

А Надька обиделась,—какое, мол, право имеешь,—ну, и раз'ехались. Кстати „советскую“ заиграли (девка парня на игру выбирает), взяла Надька да на зло Игнахе, Бубина из толпы и выдернула. Бубин рад был, конечно.

Как это вышло, она и сама не знает, а как заметила, что давно уж сидит на коленях у Бубина, так давно, что после „советской“ „елочки“ и „воротца“ сыграть успели—повела на него глазом, а не сошла и руку его у себя из-за кофты не вынула—приятно щекотали голую упругую грудь через расстегнутый ворот рубахи чужие мужские пальцы. Даже пот и озnob и дрожь по телу пошла легкая, так приятно было. Прижалась к нему спиной плотно, а ногами так и хотелось обвить колени Але-хины.

Бубин целовал ее, для других незаметно, сзади в шею открытую и слова на ухо сыпал тихонько особые, ласково.

Хорошо им было обоим—даже и посиденки не видали и посиденка их, пожалуй, тоже—каждый своим занят, кроме Игнахи, глаз с Надьки не сводившего. Всё видел он, видел, как и в сени потом вошли и за дверь встали, видел как и целовал ее Бубин, слышал и полуслот ее знакомый—запомнил всё, только губу закусил до крови, слова подавил злобные—ладно, мол, стерва... Обещала... не сдам... Не упрыгнешь...

В этот вечер долго стоял Бубин у ворот с Надькой—зуб на зуб не садился у обоих от холода, и напрасно ждали ребята своего Наркомпата—любовь у него завелась жгучая.

Много в этот вечер, не заснув далеко за полночь, все трое пересдумали разного.

Козырь прибежал домой раным-ранешенько, до первых петухов задолго, чего раньше никогда не бывало.

Попросил поесть. Собрала мать—не стал.

Сидит у стола, задумался, потом тряхнул головой, выпил молока горшок, бросил его об стену, так что мать перекрестилась даже, схватил ее за плечо, потряс и сказал глухо:

— Жениться хочу... Завтра пошли Меревигину в Крутогорку к Егору... Надьку... Слышишь?..

— Пошли, родной...

И долго советовались мать с сыном, вычисляя заранее все расходы и убытки будущие свадебные. Так эту ночь оба и не уснули.

Надька дома, раздеваясь за печкой, в раскрытый ворот рубахи глядела. Ей казалось—чужие пальцы так и остались на сосках розовых, потянулась истомно, всё тело опять этой дрожью подернуло, а легла—многое, многое думала.

„От Бубина подальше... Замуж за него—ни-ни... ну его к лешему... Козырь лучше... И деревня у них лучше... И люблю давно... А тут—так... Пустяки“...

Заснула Надька в голове с Бубиным:—вот теперь... сейчас бы пришел... заделовала бы... отдала бы ему всё дорогое, девичье...

Во сне Надька истомно на кровати раскинулась, прядая кожей на голой правой груди и улыбаясь.

Долго стоял Бубин у крыльца по уходе Надьки, потом тряхнул головой, улыбнулся, облизнул губы, поправил штаны, передернув на бок у пояса, и пошел с думой:—Эка лебедь... возьму...

Николай Гладилов.

(Окончание в след. №).

Стихотворения Н. Тошакова.

Детское.

Выпрыгивают из детства пятна...
Шел мальчишка, разинув рот,
И жмурился на ириску—
Кот.
Эх-бы!
Гривенником раздобыться...
То-то б орехов карман.
И уж дал бы
Сестренке зарыться
В подсолнечный океан.
Плавай, плуй...
Вот бы праздник!
Муслениников целая горсть...
Ах, старуха
Сластиями задразнит.
А, ведь, крендель отполз—
Врость...
Цоп!
Для себя, для сестренки, для брата...
Что ж, ты, лядя,
Так крепко сжал“...—
Тоже яростью сердце богато.
Тжик!..
Фараону—заплата,

А сам—
Бежал.
И оттуда,
Из подворотни,
Высунул длинный язык.
А ну-ка,
Звереныша троньте,—
Кирпичем
Крык!..
Вот, ведь, какие пятна
Выпрыгивают издалека...
Раньше—
Не то,
Понятно—
Сплошь гнилая жизни река...
Но теперь,
Раз другое, наше,
Разве можно спокойно спать?
Раз ребенок на камни ляжет,
Мостовая—кровать.
Нет, не будет...
Это ж—кражा...
С миру—нитка,—
Ночлег и стол.

На заводе.

Вот он—
Завод, с шестернями...
Стройные синие рычаги...
Каждая гайка с болтами—
Замысел крепкой руки.
Весь он—
Созданье воли.
Здесь—
Торжествует сталь.
На заводе—
Широкое поле
Заглядывать
В даль.

Хотя бы вот—
Этот фрезер,
Бросившийся на глаза,
Будет вернее резать
С сконструированным
Шатуном колеса.
Вот он—
Завод с шестернями...
Каждый рабочий смей
Руководить рычагами,
Есть самолет,
А был—
Змей.

Офицерша и... вятские рожи.

Некая телеграфистка,—офицерша-вдовушка,—муж когда-то настоящим офицером был,—волею злой судьбы, была заброшена на службу из Ленинграда в Вятку.

— Боже мой!—жалуется как-то в аппаратной скучающая „дама“ своему соседу-телеграфисту,—вы представить себе не можете, как мне надоело видеть все эти противные рожи... просто ужас!..

Слова эти сопровождались жестом в сторону окружающих ее работников.

Собеседник — телеграфист, вспомнив, что и он, ведь, относится к разряду этих же „противных рож“, был весьма сконфужен и, естественно, не стал продолжать столь приятную беседу.

Предложили как-то оной „офицерше“ представить объяснение на переписку о неответе по проводу, на котором она работала. И „офицерша“ написала объяснение такого рода:

„Во-первых, должна сказать в свое оправдание, что провод № 2790 славится своими спорами и часто сам разъединяет линию. А во-вторых, если я и не присутствовала на этом проводе, значит, работала на другом. Во всяком случае, сложа руки, думаю, не сидела!“.

На замечание одного из сослуживцев, что сам по себе провод линию разобщить не может, последовал весьма остроумный ответ:

„Не суйтесь, как написала, так и будет!“

Сразу видно— „дама“ с характером... не какая-нибудь, не вятская „рожа“, а штучка, можно сказать, столичная... Что сказала— „так и будет“...

А любопытно: что, в конце-концов, „скажут“ на это долготерпеливые вятские „противные рожи“?

„Писатели“.

Под этим заголовком в стенгазете вологжан „Красная Связь“ находим весьма любопытную заметку следующего содержания:

— «Вот беда-то, хуже всякой газеты.

— А что?

— Да как что... в настоящей газете так не обзывают, а меня выругали на чем свет стоит.

— Да что? в чем дело-то?

— Да в том и дело—и на почте газета, и в читальне газета, и в уборной газета.

— В какой уборной? Чего ерунду мелешь?

— Сходи, посмотри... и в мужской и в женской.

— А чего написали-то?

— А взяли да и написали на стене—и такой, дескать, ты растакой, тов. К-ий, очень уж, знаешь, обидно.

— Да плюнь ты—может и не про тебя написано, ведь, у нас двое товарищей К-х,—один на почте, другой—на телеграфе.

— Правильно... вот поэтому самому я взял карандашик да и приспичку на стенке приписал—спрашиваю: которого, мол, это К—го такими словами автор обзывают?

— Ну, и что же?

— Да ничего... на другой день я был удовлетворен: на стене прочел ответ, что это—не я, а К—ий с почты.

Невольно хочется дать добрый совет этим „авторам“:

Не пора ли вам, „писатели“, чистых стен маратели, бросить эту унизительную „литературу“.

Нам остается только присоединиться к пожеланию автора этой заметки—прекратить совсем „писателям“ это „литературное течение“, вступив рабкорами хотя бы в ту же „Красную Связь“ и, таким образом, удовлетворить свой писательский зуд.

„Запарились“.

В Уокре Северном получена бумажка такого содержания:

„Север Округ Связи. При сем препровождаю кни фор № 1-а так как я немного запарился отчетность и поетом пришлось выслать после пришлось. Завпот Созинов“.

Что это—лепет ребенка или речь пещерного человека, еще не усвоившего членораздельных звуков?

Если товарищ „запарился“, то неужели до такой степени, что и язык во рту не ворочается, а рука с пером повиноваться отказывается?

Другой запред Кехотского отделения делает уже попытки к написанию членораздельных звуков и слов, как мы это видим из нижеследующей бумажки:

„Архангельск. Завконт. При сем препровождается схема расположения деревень для разноски Кехотским почт. агентом и маршрут на путешествие с корреспонденцией по деревням что на это скажите“.

Сказать приходится, во-первых, одно,—завпред тут тоже, видимо, „запарился“, а во-вторых, другое: не мешало бы завпреду заняться „маршрутом на путешествие“ по страничкам русской грамматики, ибо—„грамоте учиться—всегда пригодится“.

А коли грамоте научитесь, то в дальнейшем и писать будете по-человечески, избегая таких, примерно, оговорок, какую сочинил один заведующий вспомогательным пунктом на подчищенной им насквозь бумаге, а именно:

„Написанному кругом дыры верить“.

Тряпки с „бисером“.

В той же стенгазете находим не менее любопытную картинку о тряпках с „бисером“, что употребляются для чистки аппаратов на вологодском телеграфе:

„Время к смене. У техников работа: надо сдать к смене чищенные аппараты.

К аппарату, где я дежурю, подходит ученик и старательно принимается за чистку „морянки“.

— Смотри-ка, смотри!—громко вскрикивает ученик.

— Чего,—говорю,—смотри? Вижу—рукав от рубахи.

— А повыше-то...

„Вот так штука, думаю, как это сторожиха не досмотрела и отдала техникам тряпку, с нанизанным на ней бисером“.

Подходит механик З.

— Смотри-ка, смотри!

— Чего,—говорю,—смотри? Вижу—штанина от „невыразимых“.

— Да нет... ты в складках-то смотри.

Тут только я рассмотрел, что складка штанины усеяна не бисером, а самыми неподдельными гнидами...

Интересно—откуда появились такие тряпки и гигиенично ли снабжать ими чистильщиков аппаратов?“

„Философ“.

Нижеприведенный курьез-быль приводим из архангельской газеты „Волна“:

„Заведующий технической частью телеграфа—мужчина серьезный. В один прекрасный день он был настроен весьма воинственно, и, сидя с приятелями в кабаке, философствовал:

— Ты не гляди на меня, что я косо повязан, а ежели захочу—все могу. Обо мне писали и в стенной газете, и в „Северной Почте“, а я—и ухом не веду. Пью и пить буду—не укажешь.

Но тут приятелю указали на другое обстоятельство, а именно: аппетит выпить еще был, а денег не было.

— Что? Денег нет?—самодовольно сказал завтех. Нет—значит, перед деньгами. Сейчас будут Ждите.

Веселыми стопами, в 11 часов вечера, он шагал на телеграф и бормотал:

— Денег нет... Чудаки... Сейчас будут...

С большим грузом предстал он перед кассиром телеграфа и строго сказал:

— Выдайте мне немедленно десять рублей из казенных сумм, для поездки в Лявлю. Сейчас падоход... того... уходит.

— Двенадцатый час ночи,—вразил кассир,—никаких пароходов сейчас нет.

— Не ваше дело... Давайте десятку.

— Не могу без разрешения завконтакта.

— Что-с? Да вы знаете меня? Знаете, что я—завтех?

— Все равно, денег нет,—упрямо твердил кассир.

— Нет?!—освирепел завтех.—А это видел?! Так жмякну, что сразу в землю и воньешься.

Аргумент был сильный и убедительный. Кассир поспешил скрыться.

Оставшись один, серьезный мужчина бушевал:

— Мне-е... Не давать денег... Что-о?.. Я вам покажу! Обо мне и в стенной газете писали, и в „Северной Почте“ писали. Я, можно сказать, человек знаменитый...

Чтобы прибавить ему еще больше славы, теперь качаем его на „Волне“.

Прочитав, он, пожалуй, подаст заявление о бессрочном отпуске. Слово за союзом, куда и адресуемся“.

Не ограничиваясь славой архангельского завтеха и качаньем его на „Волне“, мы решили еще раз прославить его и в „Северной Почте“. Пусть радуется, ежели приятно человеку.

А союз, мы полагаем, свое слово скажет и завтех тоже „прославит“.

Сатир.

Отзывы о стенных газетах.

Красная Связь—стенгазета ячейки РКП(б), ячейки РЛКСМ Связи. Вологда. Август 1925 г № 13.

Благодаря летнему затишью, № 13 „Крас. Связи“ вышел с большим запозданием и значительно меньшего размера в сравнении с предыдущими номерами. Правда, номер этот посвящен, почти целиком, международному юношескому дню и комсомольской работе ячейки Связи в Вологде.

Статьи: „Междунраодная детская неделя“ и „Междунраодный юношеский день“—очень уж громоздки—свыше 60 строк каждая,—хотя написаны они сравнительно хорошо, с достаточно исчерпанными темами.

В отделе „Из жизни комсомола“ видим три статьи. В первой из них—«Взялся за гуж—не говори, что не дюж» читаем об инертности 2-й кружковой комсомольской группы, которая за все лето учебы удосужилась собраться один только раз. Мы, конечно, вполне соглашаемся с автором статьи «Нагрузка комсомольца», что этот вопрос (нагрузка) „если мы хотим сохранить молодые человеческие организмы от преждевременной «старости», с повестки сниматься не должен“, но все же в этом отделе мы не видим никаких осознательных результатов работы молодежи. Результаты, разумеется, должны быть, но об них следовало написать, не ограничиваясь одними отрицательными сторонами.

Отдел «Союзная жизнь» заключает в себе две статейки. В первой—«Совсем плохо» характеризуется этим заголовком работа наших женщин: на женское собрание. 21 августа, явилось всего 20—25 человек, а из трех до-кладчиков явилась только... одна! Да и та, впрочем, в последнюю минуту сложила оружие, отказалвшись от доклада.

Действительно: «совсем плохо».

В отделе «Что нам пишут» скомбинированы коротенькие выдергки из корреспонденций рабкоров—мелочи из жизни и быта.

В заключение пожелаем «Красной Связи» регулярного выпуска стенгазеты.

«Первые шаги»—стенгазета Вельского рабочкома Связи. Сентябрь 1925 г. № 4.

До сих пор—срок, положим, небольшой—«Первые шаги» не подвинулись далеко, шагают пока очень медленно. Газетка—жиденькая, достижений пока не видим. Если заголовок № 1-го вышел не совсем удачным, то это еще не значит что газета должна выпускаться совсем без заголовка, в каком виде мы получили ее.

Две передовицы—«Положение рабочих в Индии» и «II-й конгресс III-го Интернационала» занимают почти третью часть стенгазеты, а остальное—из местной жизни, которая освещена далеко недостаточно.

Над языком стенгазеты надо еще не мало поработать: такие, например, неудачные фра-

зы, как «...в результате этот лозунг («лицом к деревне») мы переделали не лицом, а задом»,—ни в коем случае нельзя называть грамотными, а тем более—литературными.

Вся местная жизнь—«Отклики с мест» и «Работа провинции»—состоит из пяти небольших заметок. Кстати, какие же это «Отклики с мест», если речь в них идет исключительно о Вельске, где издается стенгазетка? Никак нельзя отнести снисходительно к отделу «Курьезы». Во-первых, это—не курьезы: как мы ни старались отыскать в них что-либо курьезное, но никак не нашли. Во-вторых, гораздо лучше можно сказать по существу факта мало-мальски сносной прозой, чем невозможными стихами.

В первой из этих «стихоз», озаглавленной «Лида Алексеевна», в семи четверостишиях, говорится об одной работнице, которая любит «языком почесать», но выполнено это так безобразно, что просто—«уши вянут».

Не угодно ли, например:

«Ты, Лидия Алексеевна,
Возьми-ка в руки, брат, себя,
Да про людей болтай поменьше,

А то ты—что и есть за я»...

Может быть, для Лидии Алексеевны это и будет убедительным, но для грамотных людей—читать тошно.

Или—«Жизнь сельского завпреда»:

«Утром рано на заре запред подымается
И все утро у печи, бедный, обряжается.
Затем полы подметает, выметает соришки,
Рук помоет; чай попьет и идет к столишу»...
Экий, право, умница завпред: «рук помоет,
чай попьет и идет к столишу»... Совсем как настоящий человек—забыл только богу помолиться.

Не говоря уже о том, что это—невозможное подражание стихотворению «Сам читаю, сам пою», помещенному в № 1 «Сев. Поч.» за 1923 г., здесь приходится порекомендовать Редколлегии подобные «юморо-пoэзы» помешать в том месте, где помещается, обыкновенно «соришки». Так это будет куда лучше.

И, наконец, в «Почтовом ящице» читаем ответ одному автору такого содержания:

«Заметка «Последние шаги» имеет злободневный характер. Так осмеиваются физкультуру не следует. Не помещаем».

Тут остается только посоветовать Редколлегии—не смешивать злостные заметки со злобой дня, вообще—принадель на грамоту и писать такими словами, смысл которых хорошо известен ей, а то авторы могут быть введены в заблуждение, что все злободневное не имеет места на страницах «Первых шагов».

«Октябрь»—стенгазета Яранской организации работников Связи. Июль 1925 г. № 8.

Стенгазета изображена на листе мундштучной бумаги. Третья часть этого листа занята заголовком. Заголовок, по исполнению,—ори-

гинален, но самое название газеты («Октябрь») не выделяется четко. Другая треть листа занята наклеенными на нем столбцами текста и последняя треть—симметричными между ними широкими пробелами. Для чего понадобилось делать эти пробелы—никак не поймем. Издали получается впечатление, что на лист бумаги наклеены об'явления. Не могут яранцы придать газете соответствующий вид. Рекомендуем им взять для образца один из последних номеров вятской стенгазеты «Искра молодежи» или уржумской—«Наша жизнь».

Не может «Октябрь» похвастаться и богатством содержания—видно, что рабкоры с мест совершенно отсутствуют и, поэтому, местная жизнь—гвоздь стенгазеты—освещена очень скучно.

Что касается внешней чистоты и грамотности, то в этом яранцам отказать нельзя.

Стоит только устранить некоторые технические недостатки по образцам указанных выше стенгазет и привлечь к работе рабкоров с мест—тогда стенгазета, без сомнения, будет не из последних.

«Наш быт» — стенгазета Архангельского рабфабочкома и рабкоровского кружка союза Связи. Август 1925 г. № 11.

Заголовок—живой и оригинальный, но, по нашему мнению, для широких масс не совсем понятный. В сравнении с предыдущими номерами, стенгазета много проигрывает от того, что все отдельные заметки и статьи обведены разноцветными—всеми цветами рягами—рамками. Это — некрасиво: слишком пестро и ярко.

Отделы «Около производства», «Уголок рабочницы» и «Быт» очень широко освещают местную жизнь. Хоть и есть тут мелочи, но давно известно каждому, что наша повседневная жизнь состоит из этих мелочей и, поэтому, не приходится иногда пренебрегать и мелочами. Во всяком случае, говоря о мелочах, в конечном результате получаем и от них плюс, изживая те ненормальности и дефекты, какие наблюдаются в нашем производстве и в жизни хотя бы и отдельных лиц коллектива.

Стенгазета, как и всегда, иллюстрирована живыми рисунками к тексту.

К.

Открытое письмо нашим подписчикам.

Уважаемые товарищи!

Вопрос, затронутый в статье „Быть или не быть?“, помещенной на 1-й стр. в настоящем номере „Сев. Поч.“, сейчас считается исчерпанным. В тот момент, когда этот номер журнала был уже в печатной машине, из Москвы получено извещение, что все союзные журналы, издаваемые облправлениями, за исключением украинского, по постановлению Пленума ЦК Связи, закрыты, в целях—сосредоточить все внимание и средства на издании центрального союзного органа „Прол. Связи“.

Следовательно, „Сев. Поч.“ будет выходить лишь до конца 1925 подписного года.

Редакция.

ХРОНИКА.

Обмен мест в ВУЗ'ы. ВЦСПС разъяснил всем профорганизациям, что обмен местами в ВУЗ'ы между отдельными группами трудовой интеллигенции может быть произведен по взаимному соглашению этих групп и с разрешения соответствующей межсоюзной организации (ГСПС, Оббюро).

В случае несвоевременного использования, места, предоставленные трудовой интеллигенции, поступают в распоряжение межсоюзной организации.

Кооперативная пропаганда профсоюзов. VI съезд профессиональных союзов СССР отметил всё возрастающее значение рабочей кооперации в системе строительства социалистического хозяйства и подчеркнул необходимость всемерного содействия профсоюзов делу развития кооперации.

ВЦСПС предложил всем профорганизациям обратить внимание на постановку и систематическое развитие кооперативной пропаганды, включая её в планы своей культурно-просветительской деятельности.

Основными задачами кооперативной пропаганды на ближайший период времени должно быть:

1. Разъяснение широким массам рабочих и работниц той роли, которую играют хозяйствственные достижения кооперации в деле улучшения условий их быта (реализация через кооперацию заработной платы; борьба с жилищной нуждой; раскрепощение женщины-рабочницы и т. д.).

2. Содействие приближению рабочих и работниц к своему кооперативу путем систематического освещения работы.

3. Пропаганда поголовного и активного участия самих рабочих масс в кооперативном строительстве (аккуратный взнос паев; участие в общих собраниях пайщиков, работе правлений, ревизионных и лавоччных комиссий, помощь кооперативу в устраниении недочетов и т. д.).

4. Широкая популяризация заветов Ленина о кооперации.

Пропаганда задач и достижений кооперации, должна сопровождаться разъяснением роли и задач профсоюзов в деле развития кооперации.

ВЦСПС высказал пожелание, чтобы в рабочих клубах и красных уголках создавать кооперативные уголки, в которых центральное место должно быть уделено материалу, иллюстрирующему жизнь местного кооператива: хозяйственные достижения, рост количества членов, сообщение о новых ценах на товары, о получении новых товаров и т. д. В уголке следует иметь также рекомендательный список литературы по кооперации (Труд, № 135, от 17 VI—25 г.).

О профшколе. ВЦСПС постановил: „Признать желательным и необходимым существование высшей школы профдвижения, при неизменном условии содержания ее за счет заинтересованных союзных организаций. ВЦСПС участвует в части расходов на содержание школы на общих основаниях. Поручить Культотделу: а) созвать совещание ЦК Союзов для окончательного выяснения практической возможности существования профшколы в текущем году; б) разработать при участии ЦК Союза план, методы и сроки обучения, состав курсантов, а также обсудить вопрос не только о порядке существования организации школы, но и гарантии обеспечения ее существования. Считать целесообразным поднять дискуссию на страницах „Труда“ по вопросу системы, методов и сроков обучения в профшколе“ (прот. № 28, п. 137).

О порядке распределения премиальных за ремонтные работы. ЦК Связи найдено необходимым упорядочить распределение премиальных с тем, чтобы в распределении их обязательно принимали участие представители от профорганизации.

Об отчислениях с членов Союза. Цирк. письмом от 14 сентября 1923 г. ла № 225 разъяснялось, что отчисления с членов союза должны производиться со всех видов денежной и натуральной зарплаты (квартира натурой, т. е. с основного заработка и дополнительных выдач, в виде процентных надбавок и пр. приработка по сверхурочным и сделанным работам). Это положение было подтверждено затем постановлением Президиума ЦК от 23 января с. г. за № 5.

Между тем, по имеющимся сведениям, отчисления с квартирных денег, с квартир натурой, сверхурочных, праздничных, сделанных во многих местах вовсе не производятся и союзные кассы терпят от этого ущерб.

Объявляя об этом, ЦК просит принять решительные меры к поступлению в кассы недобранной за первое полугодие суммы, разъяснить еще раз, что не отчисляются членские взносы только с выходного пособия, компенсации за неиспользованный отпуск и путевого довольствия. Со всех же остальных добавочных выдач отчисления производятся на общем основании.

О компенсации рядовым работникам, направленным в отдаленные местности с 25/7—23 г. по 1/4—24 г. Постановление ВЦИК и СНК от 25 июля 1923 г. о льготах для командируемых на работу в отдаленные местности РСФСР распространяется по ведомству Связи на заведывающих почтово-телеграфными предприятиями. С 1 апреля 1924 г. дополнительным соглашением с ЦК Связи введен ряд дополнительных льгот к упомянутому постановлению ВЦИК и СНК, в том числе годичный срок службы в целом ряде мест-

ностей и распространение льгот не только на заведывающих предприятиями, но и на всех работников Связи Сроки для получения этих дополнительных льгот считаются со времени введения в действие дополнительного соглашения, т. е. с 1 апреля 1924 г.

На этом основании рядовые работники, командированные в отдаленные местности с 25 июля 1923 г. по 1 апреля 1924 г., не имеют права на получение в двойном размере как компенсации, так и содержания в течение первых трех месяцев работы.

Об улучшении материального положения низших работников. Признано необходимым срочное повышение зарплаты низших работников, считая для этого наиболее целесообразным изменение коэффициентов тарифной сетки путем увеличения их для низших рядов.

Ячейка Связи РЛКСМ в Вологде—лучшая ячейка по Вологодской губернии. Закончился губернский конкурс на лучшую комсомольскую ячейку. В результате конкурса первое место заняла ячейка Связи гор. Вологды. Партийное ядро в ячейке составляет 25%. Все кандидаты партии—комсомольцы несут определенную партийную нагрузку и являются проводниками партийного влияния в комсомольской ячейке.

Головка ячейки—бюро состоит на 80% из партийцев. Поэтому правильное партруководство и хорошие взаимоотношения с парт'ячейкой вполне обеспечивают успех работы. Ячейка сумела разгрузить активистов от чрезмерной работы и правильно распределила всю работу на всех членов.

Для подшефной волости ячейкой выписывались газеты, была оказана помощь в организации отряда пионеров.

Благодаря ячейке проведено медицинское освидетельствование рабочих подростков.

Бронирование на производстве проведено полностью.

Систематически вел работу кружок самообразования, все ребята участвуют в клубной работе.

Осуществляется руководство над пионерским отрядом через выделенных представителей. Из пионеров 9 человек передано в комсомол. Сейчас обращено внимание на углубление воспитательной работы.

Бюро юридической консультации для работников связи организуется при Северном

Облправсвязи в составе представителя от Облправсвязи и двух юристов Управления Округа.

Тарифные пояса Президиумом Облправсвязи постановлено: с августа месяца с. г. перечислить из 4-го в 3-й внутриобластной тарифный пояс В.-Устюг и Котлас и из 2-го в 1-й—Емцу, Костлань, Чупрово и Плесецкую.

О реорганизации сети связи. Так как упразднение предприятий или их сокращение может производиться только с согласия союза и учитывая, что при реорганизации сети Связи количество штатных агентов определено Уокром вместе с Облправсвязи, с согласия коего и может быть видоизменено это количество, Облправлением постановлено считать действия Уокра в отношении замены штатных агентов нештатными, без согласования вопроса с президентом Облправсвязи, неправильными, нарушающими ст. 11 колдоговора.

Предложено Уокр практикуемую замену штатных агентов нештатными прекратить. При надобности, если этого требуют интересы производства, пересмотреть вновь сеть предприятий Связи по Области, при участии союза, с целью определения количества агентств, в которых штатные работники (члены союза) могут быть заменены работниками, нанимаемыми по индивидуальным договорам и то лишь в том случае, если заменяемые штатные работники будут использованы для увеличения штата в окркторах.

К реорганизации рабочимок. Райрабочомы в Кадниково и Котлase ликвидированы с 1 октября с. г. Первый по союзному обслуживанию отнесен к Вологодскому району, а второй—к В.-Устюгскому.

Ликвидированы райрабочомы Халтуринский и Малмыжский. Первый по союзному обслуживанию присоединяется к Вятскому окротделению, а второй—к Уржумскому.

Утверждено окружное отделение союза в Вятке. Избранный (9—11 октября с. г.) состав его: Багаев Виталий, Калинин Дмитрий, Ходырева Татьяна, Шаклейн, Муромцева, Энгельсон-Свалова, Садков, Колупаев Павел, Бадын, Катаев и Колупаев Михаил.

Утверждено окротделение в Слободском, Вятской губ. в составе: Дерышев, Дряхлов, Калинина, Вершинина и Юферев.

Вологодский Окрс'езд созывается 3 ноября с. г. Норма представительства: от 10 членов союза—один.

ПОЧТОВЫЙ ЯШИК.

М. Кононову.— „Комиссия по охране труда спит“ не пойдет. Труд помзваконта—ненормированный труд, а потому комиссию беспокоить не стоит.

Филину.—Вы пишете:

„Свое кольцо я обхожу,
Корреспонденцию ношу
Крестьянам прямо на дома,
За то благодарят меня“.

Очень хорошо. Значит, кольцевая почта заслуживает симпатии, а стихи Ваши — нет. Если сумка дырявая, спедодежды нехватаает— обратитесь куда следует, а нам напишите прозой о работе кольцовой. Будем очень благодарны.

Редколлегии стенной газеты „Первые Шаги“.— Заметка „Как быть?“ не пойдет. Ведь, расписание для передвижек установлено, с остановками от 10 до 30 минут и даже до часу в тех случаях, когда это вызывается необходимостью. Вопрос этот может быть разрешен на месте, с уведомлением Уокра об изменении расписания.

Сура, Мих.—Прозу поместим охотно, если напишете о деле, а стихи—бросили в корзину. Заниматься рифмоплетством—это бесполезная трата времени.

А. Елкину.—В „Передвижке“ ничего интересного и характеризующего „передвижку“ мы не видим. В отношении охраны труда, ямщик может обратиться в соответствующие органы.

П. Лобанову.—„Кто виноват?“—устарело.

Ожигину.—Вы ничего не опровергаете. Имеем данные, которые подтверждают корреспонденцию и ничем не оправдывают Ваших поступков.

.Двум занозам“.—„Примерный ученик“—мелочи, которые очень успешно могут быть ликвидированы на месте.

Вавилину.—„Завтех вазнается“ не пойдет, т. к. на эту тему в „Сев. Поч.“, в настоящем номере, помещен курьез „Философ“.

„Пчеле“.—В отношении заметки „В отпуску“, мы не видим никаких особых „по-

ступков“ т. Шананина. Что касается другой заметки „Поймал“, то не стоит такими мелочами заниматься. Так во всем Вашем писании и сквозит личная неприязнь друг к другу.

А. Смирнову.—Мы очень довольны, дорогой, что Вы так хорошо отдохнули в Ялте, а для печати это все-таки не годится.

И. Макарову.—Хорошо, да не для всех и „Разъяснил“—не пойдет. Для устранения всех перечисленных в корреспонденциях непривязок, они направлены в Вологодскую контору. Напишите что-либо из жизни деревни, имеющее более широкий интерес.

Боголепову.—То, что Вы написали о Доме Отдыха, было уже напечатано в „Сев. Поч.“ и, кроме того, в этом номере помещена специальная статья.

Шуклину.—„На бедного Макара все шишки валиются“—мелочь.

Быкову.—„Есть, мол, квас да не про вас“—широкого интереса не имеет: квартирные недоразумения встречаются везде и повсюду. „Дитя не плачет—и мать не знает“—этот вопрос можно разрешить на месте. Внесите свои предложения, куда следует. „Лицом к деревне“—помещаем.

„Рядовому“—„Экономия вызывает волокиту“—не пойдет. Если мало выслали канцелярских принадлежностей,—запросите больше. „Наш администратор“—тоже не пойдет: мы очень рады, что завконт так внимательно относится к Вам, но писать об этом все же не следует.

Р. Турек, Б. Д.—Заметка не пойдет. „Одной и той же лошади не годится возить воду и воеводу“—говорите Вы. Мы с Вами не согласны, как не согласны и со многими русскими пословицами, далеко не всегда отражающими народную мудрость.

Архангельск, Технику; Коми Морт и Сельскому работнику.—„Освидетельствуйте“, „Больше внимания“ и „Результаты преобразования п.т. отделений в агентства“—не пойдет. Направлены в Уокр, для соответствующих мероприятий.

ОПЕЧАТКА.

В № 9 „Сев. Поч.“ в отделе „Из писем корреспондентов“, на стр. 18-й, в письме А. Красикова, вкрадлась опечатка.

В 4-м абзаце этого письма, во 2-й строке, напечатано: „Некоторые кольца, вопреки положению, организованы протяжением до 5—6 верст“. Следует читать: „протяжением до 56 вер.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
Северного Облправсвязи за сентябрь месяц 1925 г.

Наименование счетов.	Оставалось к 1-му сент.	Поступило в сентябре.	ВСЕГО.	Израсходовано в сентябре.	Остаток к 1-му октября.
Счет членских взносов	—	2050 49	2050 49	2288 13	—
„ культфонда	621 04	1185 78	1806 82	462 83	1343 99
„ содерж. рабочкомов	435 63	1353 16	1353 16	1112 62	—
„ фонда беарбат.	1031 57	532 56	1564 13	383 48	1180 65
„ переходящих сумм	11 16	7 97	19 13	—	19 13
„ ЦК Связи (перечисл.)	215 72	204 64	420 36	215 82	204 54
„ ГСПС	252 94	204 64	457 58	259 74	197 84
„ дома отдыха	1123 75	15 13	1138 88	678 04	460 84
„ облпрофсвязи (капитал)	5833 17	—	5833 17	—	5833 17
Итого	9089 35	5554 37	14643 72	5400 66	9240 16

П р и м е ч а н и е 1. Из числа значащегося остатка имелось на 1 октября:

в кассе	186—67
на тексчетах	2881—30
ценными бумагами	167—84
имущество и материалов	1662—35
задолженность разных лиц и учрежд. и подотчет. лиц	2088—14
за профжурналы	672—96
тоже,—по счету содерж. рабочкомов и членск. взносов	1580—90
Итого	9240—16

П р и м е ч а н и е 2. Из числа расходов за сентябрь по счету членских взносов падает:

a) содержание штата	938—34
" в окротд.	181—50
b) адм.—хозяйств. расходы	42—45
b) организац. расходы	441—92
g) перечисления ЦК Связи, ГСПС и культфонд	613—92
d) разные расходы	70 —
Итого	2288—13

П р и м е ч а н и е 3. По счету содержания рабочкомов израсходовано:

a) содержание личного состава	971—74
b) организац. расходы	128—21
b) канцелярские	12—67
Итого	1112—62

П р и м е ч а н и е 4. По счету культфонда израсходовано:

a) раз'ассигновано на места	339 —
b) содержание библиот. и закупка книг	67—84
b) шефство	6—99
g) помощь рабфаковдам и ВУЭ	24 —
d) передано ГСПС	25 —
Итого	462—83

Предоблправсвязи ГАНИЧЕВ.

Казначей СНИГИРЕВ.